

*Алиева Айдан Али кызы*

студентка

*Целищева Зухра Абдурашидовна*

канд. культурологии, доцент

ФГБОУ ВО «Нижневартковский государственный университет»

г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

## **ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ**

***Аннотация:** актуальность исследования определяется нарастающим противоречием между традиционными моделями коммуникации в сфере национальной безопасности и качественно новым восприятием политических вызовов представителями поколения «Z» – «зумеры», родившиеся примерно в 1997–2012 годах. В условиях специальной военной операции и глобального информационного противоборства возникает риск отчуждения молодежи от общественно-политической жизни и повышается уязвимость перед деструктивными внешними нарративам. Цель статьи – выявить и систематизировать особенности восприятия молодёжью современных политических вызовов и угроз безопасности. На основе синтеза социологических и политологических подходов обосновано, что поколение «Z» обладает качественно иной, по сравнению со старшими поколениями онтологией угроз, базирующейся на цифровизации, прагматизме и сетевой коммуникации. Установлено, что для современной молодёжи приоритетными являются не абстрактно-геополитические, а персонализированные, цифровые и социально-экономические аспекты безопасности. Особое внимание уделено роли иронии и мем-культуры как специфических стратегий совладания с экзистенциальной тревогой в условиях геополитической турбулентности.*

***Ключевые слова:** молодежная политика, поколение «Z», политическое сознание, национальная безопасность, специальная военная операция, геополити-*

*ческие вызовы, цифровая социализация, онтологическая безопасность, мем-культура.*

Современный этап развития глобальной и региональной политической системы характеризуется высокой степенью турбулентности и обострением геополитического соперничества. В условиях проведения специальной военной операции (СВО) и беспрецедентного информационно-психологического противоборства проблема обеспечения национальной безопасности выходит на первый план. При этом ключевым субъектом, от которого зависит долгосрочная устойчивость государства, выступает молодежь.

Институты государственного управления и традиционные СМИ зачастую сталкиваются с проблемой «коммуникационного разрыва»: официальные нарративы о безопасности не находят адекватного отклика в молодежной среде. Это обусловлено не столько «непатриотичностью» или «политической апатией» молодых людей, сколько фундаментальными различиями в онтологии восприятия угроз. Цель данной статьи – выявить и систематизировать специфику восприятия политических вызовов молодежью, что необходимо для выработки адекватных механизмов государственной молодежной политики.

Традиционная парадигма восприятия угроз, сформированная у старших поколений («беби-бумеров» и «поколения X»), базируется на государственно-центричном подходе. Угрозы воспринимаются через призму территориальной целостности, исторической памяти, суверенитета и военной мощи государства. Личная безопасность в этой модели производна от безопасности государственной.

Для поколения «Z», чья социализация пришлась на эпоху повсеместной цифровизации и глобальных кризисов, концепт безопасности носит выраженный персонализированный и прагматичный характер. Исследования в области социологии молодежи (Ю.А. Зубок, Е.Л. Омельченко) показывают, что молодежь оценивает угрозы не через абстрактные геополитические конструкты, а через призму «горизонта будущего» – того, как текущие события повлияют на

их личную траекторию, карьеру, психологический комфорт и цифровую среду обитания.

Таким образом, если для старшего поколения главной угрозой является физическое вторжение или идеологическая диверсия, то для молодежи на первый план выходят:

- 1) цифровая и когнитивная безопасность – угроза потери доступа к информации, цифровым сервисам, платформам для общения и самореализации;
- 2) социально-экономическая стабильность – страх перед падением уровня жизни, невозможностью получить качественное образование и трудоустроиться;
- 3) психологическая безопасность – защита от информационной тревожности, токсичного контента и эмоционального выгорания.

Важным является и то, откуда молодежь черпает информацию об угрозах. Традиционные институты социализации: школа, университет, федеральное телевидение, уступили место алгоритмическим лентам социальных сетей и мнению сетевых лидеров-блогеров.

Для поколения «Z» характерен «кризис вертикального доверия». Официальные заявления государственных лиц по умолчанию подвергаются сомнению и проходят через фильтр иронии среди молодежи. Доверие формируется не на основе статуса источника, а на основе его «аутентичности», эмоциональной искренности и совпадения ценностных кодов с аудиторией. В условиях СВО это приводит к тому, что молодежь гораздо охотнее обсуждает политические вызовы в закрытых чатах, комментариях у блогеров или через обмен мемами, чем в рамках формальных дискуссионных клубов.

Уникальной чертой восприятия молодежью острых политических вызовов является массовое использование иронии, черного юмора и мем-культуры. С точки зрения политологии и социологии, это не признак цинизма или безразличия, а специфическая психологическая стратегия.

Сталкиваясь с масштабом угроз, которые невозможно контролировать, молодежь использует юмор для снижения уровня экзистенциальной тревоги. Мем

позволяет трансформировать сложную и пугающую политическую реальность в понятный, контролируемый и безопасный формат.

Игнорирование специфики восприятия угроз молодежью несет в себе серьезные риски для национальной безопасности. Во-первых, возникает риск «ухода в себя» и деполитизации молодежи, когда молодые люди, не видя понятных ответов на свои прагматичные запросы, полностью фокусируются на микро-социальных группах. Во-вторых, возрастает риск попадания молодежи под влияние деструктивных внешних нарративов, которые умело маскируются под «заботу о личных интересах» молодого человека.

Преодоление данного разрыва возможно через понятные самой молодежи формы участия в преодолении вызовов, например, через IT-разработки, волонтерство, научные исследования, цифровое творчество и т. п.

Специфика восприятия политических вызовов молодежью заключается в смещении фокуса с геополитических угроз на персонализированные, цифровые и социально-экономические аспекты безопасности. Молодежь поколения «Z» оценивает риски через призму собственного будущего и цифровой среды обитания, опираясь на горизонтальные сети доверия и используя иронию как защитный механизм психики.

Понимание этой специфики является критически важным для обеспечения национальной безопасности. Эффективная работа с молодежью в современных условиях невозможна через копирование методов, применяемых к старшим поколениям. Требуется разработка новых, «переводческих» механизмов коммуникации, способных адаптировать сложные государственные концепты безопасности к ценностно-смысловой матрице поколения «Z», превращая их из пассивных наблюдателей в активных субъектов созидательной деятельности.

### ***Список литературы***

1. Алиева А.А. Влияние специальной военной операции на формирование политических ценностей и патриотического сознания молодёжи / А.А. Алиева // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы II Всерос-

сийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 482–485. EDN BIVCDH

2. Кондыба П.А. Влияние лидеров общественного мнения в социальных сетях на формирование ценностных установок молодежи / П.А. Кондыба // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 124–126. EDN VKPBYG

3. Целищева З.А. Теоретические основы цифровой грамотности молодежи / З.А. Целищева, А.В. Молочкова // Передовой педагогический опыт в современном образовательном пространстве: материалы VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Армавир, 17 апреля 2026 года). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 207–209. – EDN VGLJYG.

4. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 256 p.